

КОНСТРУИРОВАНИЕ ФЕМИНИННОСТИ И МАСКУЛИННОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

А.А. Джиоева

Московский государственный университет
Ленинские горы, 1, Москва, Россия, 119001
alecia28@yandex.ru

Е.Д. Буцык

Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России
пр. Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454
l.butsyk@yandex.ru

В статье рассматривается феномен политической коммуникации с точки зрения специфики конструирования в ней гендерной идентичности политика. Авторы обращаются к теории социального конструирования гендера, смысл которой сводится к тому, что каждый индивид самостоятельно создает свою гендерную идентичность, конструируя гендерные отношения в процессе коммуникативной интеракции. Научная новизна работы состоит в применении тезисов данной теории к сфере политической коммуникации и рассмотрении приемов конструирования имиджа мужественности и женственности известными английскими и американскими политиками. Маскулинность и фемининность как компоненты структуры гендерной идентичности оказываются моделируемыми параметрами, зависящими от прагматических установок коммуникантов. Традиционная андроцентричность политического дискурса может обуславливать модификацию женского стиля текстов, порождая в сторону большей маскулинности для достижения коммуникативных целей.

Ключевые слова: политическая коммуникация, политический дискурс, конструирование гендера, гендерная идентичность, маскулинность, фемининность.

Политическая речь является объектом исследования ученых, работающих в самых разных областях научного знания, таких как журналистика, социология, психология, философия и лингвистика. Во второй половине XX в. на пересечении политологии и лингвистики сформировалась новая гуманитарная наука, изучающая язык политики с точки зрения разнообразия и эффективности использования языка как средства манипуляции и борьбы за власть — политическая лингвистика. В сферу интересов лингвистов, разрабатывающих данное направление, входит установление связи между языком, властью и идеологией, контент-анализ политических текстов и поиск статистических закономерностей функционирования политического дискурса, исследование вербальных и риторических стратегий в политической деятельности и т.д. При этом в зависимости от цели исследования политическая коммуникация может рассматриваться с разных позиций.

Предварим наше описание особенностей конструирования имиджа фемининности и маскулинности в политическом дискурсе анализом политической комму-

никации в целом и попробуем выделить подход, наиболее актуальный с точки зрения изучения гендерного аспекта.

Е.И. Шейгал в своем исследовании «Семиотика политического дискурса» отмечает знаковый характер политической коммуникации, выделяя в особую категорию **язык политики**, который представляет собой знаковую систему, образующую семиотическое пространство политического дискурса. А.Н. Баранов также развивает идею о политическом языке как реализации отдельной знаковой подсистемы, используемой в рамках политической коммуникации с целью выработки и принятия политических решений в современном плюралистическом обществе [2. С. 108]. Вопрос о правомерности использования данного термина в отношении по сути одной из лексико-фразеологических подсистем современного литературного языка остается дискуссионным. В частности, с точки зрения П.Б. Паршина язык политики чаще всего не выходит за рамки грамматических и лексических норм идиоэтнических языков, а в фокусе исследования политической лингвистики находится **идиополитический дискурс**, или «способы говорения, характерные для субъектов политического действия» [8].

Согласно В.И. Карасику, политическая речь является **разновидностью статусно-ориентированного (институционального) общения**, выделяемой на основании статусно-ролевых характеристик коммуникантов (политик — избиратели), цели общения (сохранение или перераспределение власти), прототипного места общения (парламент). При более широком подходе политическая коммуникация не ограничивается рамками социального института, в котором общение является составной частью организации, но также включает и формы неинституционального общения, как форма общения, ориентированная на оказание влияния и распределение власти в обществе и, следовательно, открытая для всех членов этого общества. Е.И. Шейгал определяет границы политической коммуникации на основании принадлежности субъекта, содержания сообщения либо адресата к сфере политики.

Наиболее релевантным при изучении гендерного фактора представляется сформировавшийся в рамках когнитивной парадигмы научного знания дискурсивный подход, развиваемый в работах Р. ван Дейка, Е.И. Шейгал, М.Л. Макарова, Е.Г. Беляевской, В.В. Богданова и др. и рассматривающий **политический дискурс** в качестве объекта исследования. Для обоснования актуальности дискурсивного подхода остановимся более подробно на понятии дискурс. Ввиду сложности и многомерности коммуникативного явления, называемого дискурсом, в лингвистике существует огромное количество его определений.

Классической признается дефиниция Н.Д. Арутюновой, согласно которой под дискурсом понимается «связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными и др. факторами; дискурс — это речь, „погруженная в жизнь“» [1. С. 136]. Е.Г. Беляевская определяет дискурс как текст в реальном времени, который помимо письменных или устных языковых форм, отражающих содержательную сторону речевого сообщения, включает в себя также экстралингвистические параметры, такие как ассоциативный фон, знания

о мире, мнения и т.д., без которых невозможно адекватное формирование и понимание текста [3].

Важность экстралингвистических факторов при изучении языка также отмечает в своих трудах один из авторов данной статьи, говоря о том, что язык — это айсберг, вершиной которого являются грамматика и словарь. При всей значимости этой видимой части айсберга для овладения языком еще более значимой и объемной является часть, скрытая под водой, т.е. весь подводный слой, составляющий силу и опору айсберга. В языковом случае скрытый слой — это все фоновые знания о стране изучаемого языка, ее культуре, психологии и менталитете народа, ее истории и т.д. [6. С. 7]. Иными словами, дискурс отражает зависимость создаваемого речевого произведения от совокупности установок, фоновых знаний, представлений и интенций адресанта и адресата, а также их возрастных, статусных и гендерных характеристик.

Политический дискурс также представляет собой многомерное коммуникативное явление и, как отмечает Е.И. Шейгал, включает процесс, то есть «текущую речевую деятельность в определенном социальном пространстве» и результат — тексты, или речевые произведения, рассматриваемые с учетом совокупности лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов. При описании систематизирующих признаков политического дискурса исследователь выделяет такие черты, как институциональность, дистанцированность, авторитарность, театральность и динамичность. Схожие характеристики мы находим в статье В.З. Демьянкова «Политический дискурс как предмет политологической филологии» [4], а именно: оценочность и агрессивность, повышенная критичность и «пламенность», превалирование «Сверх-Я» и т.д.

Следовательно, руководствуясь дискурсивным подходом, мы можем предполагать, что гендерный фактор в числе прочих имеет ряд манифестаций в политическом дискурсе, который в свою очередь обладает собственной спецификой, определяющей речевое поведение коммуникантов. Изучение особенностей речевого поведения политика, который рассматривается как языковая личность, представленная мужчиной или женщиной, становится одной из актуальных исследовательских задач не только политической лингвистики, но и гендерологии, рассматривающей языковое поведение через призму **гендера**, который, согласно А.В. Кирилиной, понимается как социокультурный пол, сформированный в процессе «встраивания» индивида в модель мужественности или женственности, существующую в современном ему обществе [7].

Гендерные особенности коммуникативного поведения языковой личности в политическом дискурсе стали объектом исследования нескольких дисциплин, что, на наш взгляд, связано не только с растущей открытостью современного общества к сфере политики, но и с увеличением значимости роли женщины в формировании политики государства и осознанием необходимости изучения женского фактора в видах деятельности, в течение многих столетий считавшихся прерогативой мужчин. Если в прошлом коммуникативные стратегии в политическом дискурсе изучались безотносительно гендера, то сегодня все чаще поднимается вопрос о специфике гендерной репрезентации политика в дискурсивных практиках.

Впервые разграничение мужского и женского стиля и стратегий коммуникации отмечалось еще до оформления гендерной лингвистики как науки, в работе датского лингвиста О. Есперсена «Язык, его природа, развитие и происхождение», вышедшей в свет в 1922 г.

Основываясь на своих наблюдениях, Есперсен сформулировал ряд различий между «мужским» и «женским» языками, таких как употребление женщинами эвфемистических выражений, рафинированного, незасоренного языка, а мужчинами — большого количества сленговых выражений и неологизмов.

Позднее, во второй половине XX в., в Германии и США возникло движение «феминистская лингвистика», рассматривавшее отношения дискриминации и доминирования в языке. основополагающей работой по феминистской критике языка стала опубликованная в 1975 г. работа американской исследовательницы Р. Лакофф «Язык и место женщины», в которой впервые был использован термин «женский» язык и подробно разработаны мужские и женские тактики речевого поведения. Как пишет Лакофф, для мужских тактик характерны напористость и директивность, в то время как «женская речь» отличается супервежливостью, частым использованием эвфемизмов и аффективных прилагательных, разделительных вопросов, что, по мнению автора, имплицитно выражает неуверенность женщин при высказывании собственного мнения и т.д.

Несмотря на недостаточное рассмотрение в работах Есперсена и Лакофф расовых, этнических, возрастных и статусных параметров, которые также влияют на коммуникативное поведение говорящего, общий тезис о существовании «мужского» и «женского» варианта языка породил огромное количество дальнейших исследований в этой области. В 80-е гг. XX в. в рамках теории социального конструирования гендера К. Уэст, Д. Зиммерман и Дж. Батлер развивают идею о том, что именно социокультурные условия формируют поведенческие особенности и обуславливают то или иное речевое поведение. В процессе коммуникативной интеракции конструируются гендерные отношения (doing gender), в которых каждый индивид самостоятельно создает свою гендерную идентичность. Современными исследователями **гендерная идентичность** чаще всего определяется как результат восприятия и отождествления себя индивидом с определенным полом, что проявляется в соответствующих формах поведения и личностных характеристиках. Особый интерес при изучении гендерной идентичности представляет специфика ее формирования и проявления в различных видах социального взаимодействия, например, в сфере политической коммуникации. Проблемы политической теории охватывают самые разные ее аспекты, начиная от политического менеджмента, теории мировой политики и международных отношений и кончая политическим менталитетом и политической психологией, и включая более частные вопросы политики, такие как политическое лидерство, политический имидж, гендер в политике и т.д. [6. С. 7].

Формирование и манифестация гендерной идентичности в политическом дискурсе предопределяются несколькими факторами. С одной стороны, важна сама личность говорящего, так как «речь — это человек в целом, а каждое вы-

сказывание и фактически и в сознании воспринимающего ее представляет собой мгновенное раскрытие всего опыта и характера, намерений и чувств человека» [5. С. 478].

С другой стороны, немаловажную роль играет специфика политического дискурса, которая, как упоминалось выше, заключается в таких чертах, как авторитарность, дистанцированность и агрессивность. Данные особенности политической коммуникации требуют от самих политиков проявления лидерских качеств, решительности и харизмы.

Очевидно, что благоприятным качеством в имидже мужчины-политика в таком случае является мужественность, или **маскулинность**, конструирование которой в коммуникативных практиках осуществляется в комплексе разнообразных приемов, к примеру, в использовании ключевых эпитетов. В своем исследовании «Гендер в британской и американской лингвокультурах» Е.С. Гриценко приводит пример предвыборной речи Джона Керри на съезде Демократической партии в Бостоне в 2004 г., где ключевым эпитетом, фигурирующим в разных контекстах более 15 раз, было слово *strong*: “to make America stronger at home and respected in the world”; “And I will build a stronger American military”; “we need to lead strong alliances” [11] и т.д.

Таким образом, красной нитью, проходящей через все обращение Дж. Керри к избирателям, является мысль о том, что он имеет твердую политическую позицию и четкие планы по руководству страной, направленные на усиление ее положения на международной арене. Аналогично в предвыборных дебатах 2008 г. кандидат в вице-президенты США демократ Джозеф Байден стремится ассоциироваться у электората с четкостью, стабильностью и уверенностью в завтрашнем дне, используя как ключевой эпитет прилагательное *fundamental*, упоминаемое в течение полуторачасовых дебатов более 10 раз. “That’s the fundamental change Barack Obama and I will bring to this party”, “there’s a need for fundamental change in our economic philosophy”, “It’s been dead wrong on the fundamental issues relating to the conduct of the war” [12].

Помимо эпитетов современные исследователи политического дискурса выделяют такой прием конструирования маскулинности, как эмфатизация агентивности, проявляющаяся в частом использовании в роли субъекта предложения местоимения I («я») и псевдо-инклюзивного we («мы»), референтом которого, по сути, является говорящий.

В противовес маскулинности с позиции женщины-политика часто оказывается выигрышным следование гендерным нормам и акцент на женственность, или **фемининность**. Например, Хилари Клинтон в своих речах часто употребляет при упоминании о себе такое слово, как *mother*: “I’m very proud to be called the mother of the U.S. A. Pavilion”, “A proud mother. A proud Democrat. A proud American” [10].

Основной целью повторения лексемы *mother* является скорее не указание на социальный статус, а создание имиджевого эффекта борца за права женщин. Бывший губернатор штата Аляска и кандидат в вице-президенты США в 2008 г.,

Сара Пейлин в своих выступлениях также активно акцентирует свою преданность семейным ценностям, используя элементы, принадлежащие к семантическому полю «Семья». На наш взгляд, это объясняется стремлением соответствовать гендерному стереотипу, согласно которому именно женщина считается хранительницей семейного очага.

С другой стороны, специфика политической коммуникации делает следование только «женственной» стратегии неэффективным. В связи с этим перед женщиной-политиком стоит сложная задача компиляции черт мужского и женского стиля в политических выступлениях.

Ярким примером успешного конструирования имиджа «женщины-политического лидера в социальном контексте, характеризующегося институционализированным сексизмом» [9], служит стиль Маргарет Тэтчер. Известно, что будущей первой женщине — премьер-министру Великобритании пришлось прибегнуть к помощи профессиональных инструкторов, чтобы понизить тон голоса и темп речи, так как изначально ее слишком высокий голос и быстрая речь ассоциировались с излишней эмоциональностью. В результате Тэтчер добилась того, что ее вежливый, но твердый тон стал звучать «по-государственному».

Резюмируя, можно сказать, что маскулинность и фемининность как компоненты структуры гендерной идентичности являются моделируемыми параметрами. Гендерное самопозиционирование в политическом дискурсе может подвергаться модификации в зависимости от прагматических установок коммуникантов. В целом можно выделить две основные формы конструирования гендера в политическом дискурсе:

— **нормативное конструирование** — следование гендерным нормам, т.е. представлениям о том, какая модель поведения, в том числе речевого, характерна и уместна для женщины или мужчины;

— **манипулятивное конструирование** — эксплуатация гендерных стереотипов в форме эмфатизации либо нивелирования личностных характеристик, обусловленных гендером.

Итак, в настоящей статье мы рассмотрели:

- 1) современные подходы к исследованию политической коммуникации,
- 2) особенности дискурсивного подхода и специфику политического дискурса,
- 3) становление гендерных исследований и способы конструирования фемининности и маскулинности в политическом дискурсе.

На основании проанализированного материала мы можем сделать предположение о том, что андроцентричность политического дискурса с точки зрения сложившихся социальных установок может обуславливать маскулинизацию женского стиля текстопорождения в угоду достижения коммуникативных задач. Политику-женщине важно создать образ сильного руководителя, но при этом сохранить те женские черты, которые высоко ценятся в обществе. Основным детерминантом выбора вербальных средств в речи политика служит сам дискурс с его жестко заданными параметрами, обусловленными прагматическими установками на завоевание поддержки избирателей независимо от пола.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Арутюнова Н.Д.* Дискурс. Лингвистический энциклопедический словарь / Ред. В.Н. Ярцева М., 1990.
- [2] *Баранов А.Н.* Политический дискурс: прощание с ритуалом // Человек. 1997. № 6. С. 108—118.
- [3] *Беляевская Е.Г.* Когнитивные параметры стиля // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 1. С. 22—30.
- [4] *Демьянков В.З.* Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. М.: ИНИОН РАН, 2002. № 3. С. 32—43.
- [5] *Джисоева А.А.* Фундаментальные основы публичной речи. М.: Айрис-пресс, 2011.
- [6] *Джисоева А.А.* Фундаментальные основы языка политики. Продвинутый курс английского языка. М.: Издательство Московского университета, 2014.
- [7] *Кирилина А.В.* Гендер: лингвистические аспекты. М.: Институт социологии РАН, 1999.
- [8] *Паршин П.Б.* Об оппозиции системоцентричности и антропоцентричности применительно к политической лингвистике // Диалог. электронный научный журнал. 2000. № 1. URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2000/Dialogus%202000-1/229.htm>.
- [9] *Fairclough N.* Language and Power. London, N.Y.: Longman, 1989.
- [10] Hillary Clinton's Speech at the Democratic National Convention // The American Presidency project. Aug. 26, 2008. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=25971&st=kerry&st1=>.
- [11] John F. Kerry Address Accepting the Presidential Nomination at the Democratic National Convention in Boston // The American Presidency project. July 29, 2004. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=25971&st=kerry&st1=>.
- [12] Transcript of Palin-Biden debate // CNN. October, 3, 2008. URL: <http://edition.cnn.com/2008/POLITICS/10/02/debate.transcript>.

**CONSTRUCTION OF MASCULINITY AND FEMININITY
IN POLITICAL COMMUNICATION**

Alecia Gieva

Moscow State University
Leninskie Gory, 1, Moscow, Russia, 119991
alecia28@yandex.ru

Elizaveta Butsyk

Moscow State Institute of International Relations (University)
Prospect Vernadskogo, 76, Moscow, Russia, 119454
l.butsyk@yandex.ru

The article regards the phenomenon of political communication from the perspective of the particularities of constructing masculinity and femininity by politicians. According to the theory of the social construction of gender an individual's gender identity is shaped in the process of constructing gender relations in communicative interaction. The academic novelty of the article consists in applying the theses of this theory to the sphere of political communication and analyzing some devices of creat-

ing the images of masculinity and femininity by famous English and American politicians in their discourse. As structural components of gender identity, masculinity and femininity turn out to be modifiable parameters depending on the pragmatic attitudes of communicators. Traditional androcentrism of political discourse may account for modifying the female speech style towards masculinity to achieve certain communicative aims.

Key words: political communication, political discourse, constructing gender, gender identity, masculinity, femininity.

REFERENCES

- [1] *Arutiunova N.D.* Diskurs. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar [Discourse. Linguistic encyclopedia]. Ed. by Iartseva V.N. Moscow, 1990. P. 136—137.
- [2] *Baranov A.N.* Politicheskiy diskurs: proshaniye s ritualom [Political discourse: farewell to ritual]. *Chelovek — Man*, 1997. No. 6. P. 108—118.
- [3] *Beliaevskaya E.G.* Kognitivnye parametry stilya [Cognitive parameters of style] *Voprosy kognitivnoi lingvistiki — Issues of cognitive linguistics*, 2010. No. 1. P. 22—30.
- [4] *Demyankov V.Z.* Politicheskiy diskurs kak predmet politologicheskoy filologii [Political discourse as an object of study of political philology]. *Politicheskaya nauka — Political science*. Moscow, INION RAN, 2002. No. 7. P. 32—43.
- [5] *Jioeva A.A.* Fundamentals of public speaking. Moscow: MSU, 2011.
- [6] *Jioeva A.A.* Fundamentals of Political English: An Advanced Course. M.: Moscow University Press, 2014.
- [7] *Kirilina A.V.* Gender: lingvisticheskiye aspekty [Gender: linguistic aspects]. M.: Institute of sociology RAN, 1999.
- [8] *Parshin P.B.* On the opposition between system-centrism and anthropocentrism. *Dialog*, 2000, no. 1. Available at: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2000/Dialogue%202000-1/229.htm>.
- [9] *Fairclough J.* Language and Power. London; N.Y.: Longman, 1989.
- [10] *John F. Kerry.* Address Accepting the Presidential Nomination at the Democratic National Convention in Boston // The American Presidency project. July 29, 2004. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=25971&st=kerry&st1=>.
- [11] *Hilary Clinton's Speech at the Democratic National Convention* // The American Presidency project. Aug. 26, 2008 Available at: <http://abcnews.go.com/Politics/Conventions/story?id=5663211&page=1>.
- [12] Transcript of Palin, Biden debate // CNN. October, 3, 2008 Available at: <http://edition.cnn.com/2008/POLITICS/10/02/debate.transcript>.